

А. Л. Осипян

**АЛЛЮЗИИ К ДРЕВНЕМУ РИМУ В ОПИСАНИИ
ЛЬВОВА ИОАННА АЛЕМБЕКА
(«*Topographia civitatis Leopolitanae*». 1603–1605 гг.)**

Ф. Борхардт писал: «Читатели старой литературы и историки постоянно сталкиваются с таинственностью вселенной изучаемых авторов и памятников. Трудности могут возникнуть из-за простого незнания того, что чувствовал, как понимал, к чему стремился ренессансный или средневековый автор, когда он использовал то или иное слово, или обращался к той или иной референтной рамке»¹. Целью этой статьи является анализ когнитивной рамки и нарративных стратегий, использованных в ренессансном описании города. Чтобы понять мировоззрение автора, нами были поставлены два вопроса: во-первых, как повлияли на автора его круг чтения, образование и интеллектуальная среда, и во-вторых, какие образцы, криптоцитаты, литературные аллюзии и общие места (*loci communes*) были использованы автором? Таким образом, статья будет сфокусирована на библиотеке автора, его поездках и образовании, круге общения и корреспонденции, а также на историческом воображении эпохи.

* * *

В XVI в. происходит стремительный рост роли городов в европейской экономике, сопровождавшийся развитием городской культуры. Великие географические открытия стимулировали растущий спрос на такие книги, как «Универсальная космография» (*Cosmographia universalis*) Себастьяна Мюнстера (1489–1552), опубликованная в 1550, 1552, 1559 и 1572 гг., и атлас «Зерцало земного круга» (*Theatrum Orbis Terrarum*) Абраама Ортелиуса (1527–1598), впервые изданный в 1570 г. и затем переиздававшийся 25 раз до конца столетия. Воодушевленные успехом Мюнстера

¹ Borchardt F. L. *German Antiquity in Renaissance Myth*. Baltimore; London, 1971. P. 1.

и Ортелиуса, два немца — теолог Георг Браун (1541–1622) и гравер Франц Хогенберг (1535/1538–1590) — в 1572–1617 гг. издали в Кельне шеститомный атлас «Города земного круга» (*Civitates Orbis Terrarum*). При жизни Брауна атлас выдержал 29 переизданий на латинском, немецком и французском языках. В различных изданиях атлас включал от 546 до 554 гравюр с изображениями городов, преимущественно европейских (530), но также азиатских, африканских и американских. Каждое изображение сопровождалось кратким описанием города (как правило, полстраницы текста, напечатанного крупным или даже очень большим шрифтом), его основания и достопримечательностей. В атласе имелись изображения семи городов Речи Посполитой с традиционно кратким их описанием, согласно ссылкам, заимствованным из трудов Мартина Кромера (1512/1513–1589) — главного авторитета того времени в области истории и географии Польши².

Только гравюра Львова/Лемберга³ в шестом томе атласа (Кельн, 1617 г.)⁴ сопровождалась двухстраничным описанием, набранным мелким шрифтом. Даже это детальное описание города Львова — это только сокращенная версия, написанная местным аптекарем Иоанном Алембеком (*Alembek*), также известным как Альнпех (*Alnpech*) или Альнпекиус (*Alnpekus*). Полная оригинальная версия, написанная между 1603 и 1605 гг. под названием «Топография города Львова» (*Topographia civitatis Leopolitanae*)⁵, и будет объектом нашего исследования.

Биография Алембека

Иоанн Алембек-младший был сыном купца Ганса Алембека из Фрайбурга (*Iohannes Allembegc de Fraiborgk*), принявшего львовское городское право в 1567 г.⁶, и Катарины, чей отец, Вольфганг Шольц из Вроцлава (*Wolfgangus Scholcz de Wratistlawia*), поселился во Львове в 1531 г.⁷ Иоанн изучал фармакологию во Вроцлаве в 1582–1586 гг. В 1588 г. умер его отец, и Иоанн унаследовал трехэтажный дом на центральной площади Рынок с аптекой на первом этаже и большие долги. Некоторое время Иоанн работал в аптеке Яроша Витембергера/Ведельского, который в 1588 г.

² *Cromerus M.* 1) *De origine et rebvs gestis Polonorum libri XXX.* Basiliae, 1555 (позже опубликована в 1558, 1568, 1582, 1589 гг., и в немецком переводе в 1562 г.); 2) *Poloniae, gentisque et reipublicae Polonicae descriptionis, libri duo. Coloniae Aggrippinae, 1575* (второе издание: *Polonia siue De Sitv, Popvlis, Moribvs, Magistratibvs, & Republica regni Polonicis libri duo. Coloniae Aggrippinae, 1578*).

³ В позднесредневековых источниках город обозначался как *Lemburg* на немецком языке, *Lemburga* или *Civitas Lemburgensis* на латыни, как *Leopolis* в ренессансных сочинениях, а в новейшую эпоху как *Lwów* на польском и *Львів* на украинском.

⁴ *Braun G.* *Civitates orbis terrarum. Coloniae Aggrippinae, 1617.* Vol. 6: *Urbium praeciparum totius mundi.* No. 49.

⁵ Рукопись сочинений Алембека хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины во Львове, ф. 52: Самоуправление города Львова, опись 2, дело 1153: *Codex Alnpekus*. Рукопись *Topographia civitatis Leopolitanae* Алембека была опубликована польским историком Станиславом Рахвалом (*Rachwał S.* *Jan Alnpek i jego «Opis miasta Lwowa» z początku XVII w. Lwów, 1930*) и с тех пор так никогда и не была проанализирована как исторический и литературный источник.

⁶ «*Ioannes Allembegc de Fraiborgk spectabilis domini Wolfgangi Scholcz gener ad commendationem eiusdem soceri et affinium suorum famatorumque d[omini] advocate et et scabinorum ius civitatis...*» // *Album civium Leopoliensium. Rejstry przyjęć do prawa miejskiego we Lwowie / Wydał Andrzej Janeczek. Poznań; Warszawa, 2005.* T. 1. S. 148.

⁷ «*Wolfgangus Schulcz de Wratistlawia ius civile suscepit literas a parentela porataturus. Hanus Schulc de Wratistlawia...*» // *Ibid.* T. 1. S. 81–82.

отправил юного Алембека в Константинополь приобрести лекарства, поскольку в те времена наиболее популярными лекарствами являлись восточные растения и пряности, такие как перец, цинамон, имбирь, мускат и т. п. Однако в 1591 г. Алембек уже оказывается студентом Падуанского университета⁸.

Интересно, что будучи подданным польского короля, Алембек записался в немецкую студенческую нацию⁹, а не в польскую (ибо в Падуанском университете были немецкая, польская и две итальянские нации), отношения между которыми в 1589 и 1592 гг. были отмечены серией конфликтов. Во время учебы Алембек сочинил и опубликовал поэму «Хвалебная песнь кардиналу Георгию Радзивиллу» (*Carmen gratulatorium ad Georgium Radivilium Cardinalem*), посвященную кардиналу Ежи Радзивиллу¹⁰. Эта поэма свидетельствует о существенном расширении интересов Алембека далеко за пределы его профессиональной сферы.

Согласно Станиславу Рахвалу, Алембек составил «*Torographia civitatis Leopoli-tanae*» между 1603 и 1605 гг. Это было непростое для него время. 8 января 1597 г. Алембек был принят в число граждан Львова¹¹. В 1598 г. он, как должник, провел некоторое время в городской тюрьме. С этого времени Алембек становится в оппозицию к городским властям — магистрату, узурпированному львовскими патрициями.

В 1578 г. польский король Стефан Баторий учредил новую структуру в самоуправлении Львова — *quadragintavirat*, т. е. «совет сорока мужей», чтобы он представлял интересы среднего класса (*носпольства/бюргерства*) и контролировал деятельность магистрата, состоявшего из рады (*consilium/Rat*) и лавы (*scabinat*) — городского суда, возглавлявшегося войтом (*Vogt*). В 1603 г. Алембек был избран в состав «совета сорока мужей» и посвятил себя борьбе с городскими олигархами. Эту борьбу Алембек описал в сочинении, озаглавленном: *Plantatio Arbitramenti inter Magistratum et Populorum Leopoliens. per Sacram R. Mtem confirmati. Anno 1603*.

Он неоднократно посещал Краков и Варшаву, чтобы представлять «совет сорока мужей» и городскую общину в судах высшей инстанции, подготовил несколько речей, писем и исков, и был трижды заключен под стражу магистратом — в январе и декабре 1605 г. и 19 августа 1606 г. Его аптека была несколько раз закрыта властями и, наконец, в 1605 г. Алембек был лишен прав львовского гражданства. Только в 1607 г., в соответствии с декретом короля Сигизмунда III, после того как Алембек попросил прощения у магистрата, он был восстановлен во всех правах.

В ходе конфликта с магистратом Алембек активно работал в городском архиве, собирая материалы, необходимые для тяжбы. Эти выписки из городских актов составили еще одну рукопись — «*Notabilia ex Actis Leopoliensibus*». Известно, что в 1618 г. Алембек в качестве члена городского совета (*Ratmann*) представлял общину Львова на сеймике местной шляхты. Во время эпидемии чумы 1623 г., когда патриции покинули Львов, Алембек был назначен бургомистром (*Bürgermeister*).

⁸ *Rachwal S.* Op. cit. S. 2–3.

⁹ *Windakiewicz S.* Padwa. Studium z dziejów cywilizacji polskiej. Kraków, 1891. S. 62, 82.

¹⁰ *Rachwal S.* Op. cit. S. 3.

¹¹ «*Famatus Ioannes Alembegc famati olim Ioannis Alembegc et Catherinae Scholcowna filius ad commendationem spectabilis Ioannis Scholc Wolffowic, Iosephi Scholc Wolffowic avunculorum de eius legitimo ortu testificantium, ad ius civile libertatesque civiles iuramento positus ad sacra duobus digitis more aliorum mercatorum praestito est susceptus et in numerum honestorum civium cooptatus*» // *Album civium Leopoliensium*. T. 1. S. 233.

Он подготовил подробный отчет с описанием чумы, между прочим, унесшей жизни его жены и дочери. Сам Алембек скончался в 1636 г., оставив после себя трех сыновей и дочь¹².

Библиотека Алембека

Согласно посмертной описи имущества (*Inventarium rerum olim*), составленной в 1588 г., отец нашего героя, Ганс Алембек, владел 92 книгами на религиозную, медицинскую, юридическую, астрономическую/астрологическую и историческую тематику¹³, преимущественно на немецком — 45 (49 %), но также на польском — 27 (23 %) и латинском — 14 (15 %) языках¹⁴. Что касается античных авторов, здесь были сочинения Плутарха, Вергилия, «История Рима» Тита Ливия, «Иудейские древности» Иосифа Флавия — все в немецком переводе — и «Комментарии» (*Commentarii*) Цезаря. В списке также значились «Книги нарисованных городов» (*Xięgi miast malowaných*), которые мы склонны отождествить с первыми томами атласа *Civitates Orbis Terrarum* Георга Брауна. Таким образом, уже в юности сын Ганса, Иоанн Алембек, имел возможность достаточно много прочесть в сфере *studia humanitas*, что, в свою очередь, повлияло на его дальнейший интерес к изучению античности.

После смерти самого Иоанна Алембека в 1636 г. также была составлена опись его имущества (*Tener Divisionis Bonorum Mobilium Alnpekowskie*), включавшая и список книг. У Алембека было в два раза больше книг, чем у его отца — 230 (на общую сумму 268,40 флоринов), однако в списке книг только 183 позиции содержат упоминание автора или названия (зачастую сокращенного, наподобие *Varia* или *Miscellanea*), поскольку для составлявших опись городских писарей главным критерием была стоимость той или иной книги¹⁵. Налицо увеличение числа книг на латинском языке (60,6 %), что отражает университетское образование Иоанна и его интерес к античности. Количество книг на немецком практически то же, что и у отца — 45 и 50 соответственно, но в процентном отношении их доля сократилась с 49 % до 27 %. Книги на польском составляли только 4,3 % собрания Алембека-младшего¹⁶. Только 17,5 % идентифицированных книг могут быть связаны с профессией аптекаря Алембека. Это книги по медицине, естествознанию, химии и алхимии. Есть также несколько книг по астрономии и астрологии — признак образованного человека той эпохи. Алембеку принадлежало всего несколько изданий на религиозную и юридическую тематику, по 5,5 % тех и других, в отличие от его отца. Почти половину библиотеки Алембека (44 %) составляли книги в области *humanitas*: по истории, географии, лингвистике, философии, религии и художественные произведения. Преобладали античные греческие и римские авторы, главным образом историки, такие как: Квинт Курций Руф, Юлий Цезарь, Иосиф Флавий, Плутарх, Гай Светоний Транквилл, Дион Кассий, Помпей Трог, Юстин, Сульпиций Север,

¹² *Rachwał S.* Op. cit. S. 4–7.

¹³ *Skoczek J.* Lwowskie inwentarze biblioteczne w epoce renesansu. Lwów, 1939. S. 161–166.

¹⁴ *Różycki E.* Aлембекowie i ich księgozbiory. Z dziejów kultury umysłowej mieszczaństwa lwowskiego okresu renesansu i baroku. Katowice, 2001. S. 158. Tabela 2.

¹⁵ *Skoczek S.* Op. cit. S. 334–346.

¹⁶ *Różycki E.* Op. cit. S. 158. Tabela 2.

поэты Вергилий, Овидий, Персей Флакк, Лукиан, затем Аристотель, Витрувий Поллион, Вегеций и др.

Среди них Вергилий был явно самым любимым — к немецкому изданию «Энеиды», бывшему в библиотеке отца, Алембек прибавил еще три: новейшее издание «Энеиды» (Аугсбург, 1610 г., на немецком), «Георгика» (*Georgica*, вместе с *Aeneid* и *Vicologica*, 1618 г.), и *Opera* (1625). Алембек также располагал учеными комментариями на сочинения Вергилия, опубликованными Рамусом Петрусом (Ramus Petrus, 1547, 1569, 1599) и Иоганном Штигелем (Johann Stiegel, 1571), также как и на труды многих других античных авторов. Среди книг Алембека были как минимум четыре, принадлежавшие перу его знаменитого корреспондента — Юстуса Липсиуса: *Opera critica* (комментарии на труды Тацита, Сенеки, Цезаря и др.), *Syn-tagma de bibliothecis, Animadvers(iones), O stalości księgi dwoie etc.* (Вильно, 1600)¹⁷. Также в распоряжении Алембека были атлас *Theatrum Orbis Terrarum* Абраама Ортелиуса (обозначенный в списке как *Epithome Orteliani*), карты Рима, Африки, Азии, Пруссии и Голландии¹⁸.

Содержание библиотеки Алембека со всей очевидностью демонстрирует его интеллектуальную траекторию. Алембек был хорошо известен не только во львовском кружке, но и среди польских гуманистов в целом. Знаменитый польский историк Шимон Старовольский (Starowolscius) посвятил Алембеку свой трактат по методологии истории: «Иоанну Альнпеху, мужу из числа львовских на Руси консуляров, Шимон Старовольский посвящает»¹⁹.

Когнитивная рамка антиквария

В данном исследовании под *когнитивной рамкой* мы понимаем не только что знал Алембек и его высокообразованные современники, но также на каких принципах базировалось его представление/знание о прошлом и, соответственно, как интерпретировались и трансформировались все новые знания, полученные им из книг и личного наблюдения.

Круг чтения автора, безусловно, влияет на его собственные сочинения. В эпоху Ренессанса античные образцы активно использовались гуманистами в нарративном каркасе их сочинений. Гуманисты разыскивали, публиковали и изучали античные тексты, и их знание было преимущественно *логоцентричным*, т. е. сфокусированным на текстах. Вместе с тем, в XV–XVI вв. сформировался антикварный подход к античности. Антикварию интересовались надписями, монетами, статуями, руинами зданий и прочими материальными объектами или артефактами, которые они с увлечением коллекционировали. Их интересовали: античные одежды, оружие, украшения, религия, институты, а также обычаи, такие как трапеза, брак, погребение и т. п.

Увлечение антиквариев материальными объектами античности являлось следствием их интереса к эмпирическому наблюдению и эксперименту в различных

¹⁷ Skoczek J. Op. cit. S. 335, 338, 340, 345.

¹⁸ Różycki E. Op. cit. S. 67.

¹⁹ «Ioanni Alnpechio Viro apud Leopolienses in Russia consulari, Simon Starowolscius dedico, consecroque». Simonis Starowolsci Penu historicum seu De dextra et fructuosa ratione Historias legendi Commentarius. Venetiis, 1620. P. A2.

сферах. Антикварию не доверяли литературной традиции, не любили богословской полемики и мало интересовались традиционной политической историей. Изрядная доза скептицизма, позаимствованного у Секста Эмпирика (III–II вв. до н. э.), также повлияла на их подход к древности²⁰. Традиции античного скептицизма, восходящие к скептику Пиррону (ок. 360–270 гг. до н. э.), вылились в XVI–XVII вв. в дискуссию об историческом скептицизме (*Pyrrhonismus historicus*) и вере в историю (*Fides historica*). Пирронисты прямо поставили вопрос о том, являются ли исторические сочинения чем-то большим, нежели просто пристрастным взглядом на события прошлого. С их точки зрения, традиционные историки дискредитировали себя, обслуживая интересы правящих династий и противоборствующих церквей. Но на антиквариев это недоверие не распространялось. Они сохранили статус беспристрастных ученых, ощущающих свою принадлежность к некоему всемирному братству²¹.

Современные им теоретики истории, такие как Фрэнсис Бэкон (1605) и Жерар Возиус (1650), различали древности, мемуары и настоящую историю — *antiquitates, memoriae et historia iusta*. Традиционная история структурирована хронологически. Вся суть историописания зависит от временного фактора, от правильной последовательности событий. Антикварное же исследование было систематическим и изучало весь объект, секция за секцией. Оно было описательным в систематической форме, а не объяснительным в хронологическом порядке²².

Ренессансные антикварию считали Варрона, Плиния Старшего, Авла Геллия и Павсания своими античными предшественниками. Само слово «антикварий» (*antiquarius*) отсылает к «Древностям людским и божественным» (*Antiquitates humanae et divinae*) Варрона. Флавио Бьондо (1388–1463) сознательно пытался возродить «Древности» Варрона. Достигнутый им результат хотя и несколько отличался от истинного Варрона, стал прототипом всех последующих антикварных исследований Древнего Рима. Бьондо не только исследовал руины Рима, но и использовал полученные данные для осуществления исторической реконструкции. Его трактат «Восстановленный Рим» (*Roma instaurata*), написанный в 1440–1446 гг., был топографическим обзором Рима, его терм, храмов, ворот, обелисков и т. п., в котором Бьондо использовал как письменные источники, так и данные, полученные при личном посещении объектов на местности²³.

Подобное слияние традиционной локальной истории и нового антикварианизма было известно в эпоху Ренессанса как *хорография*, то есть исследование гео-истории или местной истории с особым акцентом на сохранившихся материальных следах прошлого. Этот жанр историописания был возрожден Бьондо в его трактате «Живописная Италия» (*Italia illustrata*), работа над которым была завершена в 1453 г., а первая публикация осуществлена в 1531 г. Подход, примененный им в «Восстановленном Риме», теперь был распространен на всю Италию²⁴. Работы Бьондо имели

²⁰ Momigliano A. D. The Rise of Antiquarian Research // Momigliano A. D. The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990. P. 57. — Выражаю искреннюю благодарность профессору Карло Гинзбургу, обратившему мое внимание на статью А. Момильяно.

²¹ Ibid. P. 72.

²² Ibid. P. 61.

²³ Burke P. The Renaissance Sense of the Past. New York, 1970. P. 25.

²⁴ Ibid. P. 29.

последователей. Начиная с 1540-х гг., описания местных древностей становились все более распространенными в Италии²⁵. Возникновение города, установление личности его основателя, времени основания, описание наиболее знаменитых мужей — вот те вопросы, ответ на которые давали античные антиквариации в исследованиях, известных как «археология/древности» (*archaeologia/архαιολογία*).

Эти же вопросы ставились антиквариями эпохи Ренессанса. Городской патриотизм, конечно же, стимулировал подобный интерес. Сочинения Бьондо стали моделью для трактата «Живописная Германия» (*Germania illustrata*) Конрада Цельтиса (1459–1508) и иных сочинений, известных как «географический Ренессанс» в Германии XVI в. В Англии труды Бьондо стали моделью для «Британии» (*Britannia*) Уильяма Кэмдена (1551–1623)²⁶. Антикварианизм заявил о себе как о возрождении античных форм жизни, способствуя тем самым формированию самосознания наций посредством открытия их древних традиций. Последователи Бьондо в Германии, Испании и Британии способствовали формированию национализма в своих странах²⁷.

На протяжении XVI в. происходит углубление специализации в области антикварных исследований. Появляются специальные трактаты, посвященные, например, античным медалям (Erizzo Sebastiano. *Discorso sopra le medaglie de gli antichi*. Venetia, 1555), кораблям (Lazare de Baïf. *De re navali*, 1536), гробницам (Giraldi Lilio. *De sepulchris*, 1539), погребениям (Kirchmann Johann. *De funebris romanorum libri iv*. Lübeck, 1636), обуви (Nigrionius. *De caligula veterorum*, 1617), пище (Chacón Pedro. *De triclinio romano*. Rome, 1588), ошейникам рабов (Pignoria Lorenzo. *De servis*. Augsburg, 1613), представлениям (Panvinio Onofrio. *De ludis circensibus libri ii*. Venetia, 1600), военному делу (Lipsius Justus. *De militia romana*. Antverpia, 1598; Lipsius Justus. *Poliorticon*. Antverpia, 1599). Согласно британскому историку Питеру Берку, эти труды демонстрируют постепенное освобождение от логоцентризма²⁸.

Весьма важным кажется и то обстоятельство, что многие антиквариации XVII в. были врачами — факт, на который уже обращали внимание современники²⁹. По мнению П. Берка, врачи были опытными наблюдателями, и просто поразительно, насколько многие из них, особенно среди тех, кто учился в Падуанском университете, совмещали медицину с антикварными исследованиями. Принимая во внимание это преобладание медиков среди антиквариев, он предполагает, что навык интерпретации симптомов помогал освобождению от логоцентризма и служил моделью для интерпретации древностей³⁰.

Таким образом, принимая во внимание содержание библиотеки Алембека, его личные связи, образование и профессию, можно предположить, что он находился под влиянием антикварного подхода и написал свою *Topographia* как труд по

²⁵ См. например: Saraina Torello. *De origine et amplitudine civitatis Veronae*, 1540; Scardeonius F. *De antiquitate urbis Patavii*. Basileae, 1560; Ghirardacci. *Della historia di Bologna*. Bologna, 1596.

²⁶ Burke P. *The Renaissance Sense of the Past*. P. 31.

²⁷ Momigliano A. D. *Op. cit.* P. 71.

²⁸ Burke P. *Images as Evidence in Seventeenth-Century Europe* // *Journal of the History of Ideas*. 2003. Vol. 64. No. 2. P. 279.

²⁹ Momigliano A. D. *Op. cit.* P. 58.

³⁰ Burke P. *Images as Evidence in Seventeenth-Century Europe*. P. 294.

«хорографии». Алембек изучал прошлое Львова в соответствии с антикварной концепцией исследования — воссоздание целостности прошлого (*historiae integritatem*).

Нарративные стратегии Алембека

Какая нарративная матрица была воспроизведена Алембеком при создании его собственного текста? Какие метафоры, аллюзии, стилевые обороты были сознательно использованы или автоматически воспроизведены автором? Какие риторические приемы или общие места, усвоенные в ходе образования и круга чтения, были использованы автором, чтобы установить и поддерживать коммуникацию с читателем? Этим комплексом вопросов мы обозначаем значение термина *нарративные стратегии* в нашем исследовании.

Главной целью *Topographia* Алембека, подготовленной для *Civitates orbis terrarum* Брауна, было прославить родной город в глазах образованной европейской читательской аудитории этого атласа. Какие же *общие места*, как правило, использовались в ренессансных описаниях города? Прежде всего, основание города славными предками, из коих наиболее престижными считались римляне и троянские беженцы. Славное прошлое: древности и знаменитые граждане или правители. Город как крепость: башни, ворота, стены, неудачные осады. Город как оплот истинной веры: святые, мощи, чудеса, церкви. Город как средоточие искусств и наук: университет, типография, ученые мужи. Экономическое процветание: рынок, заморская торговля, изобилие купцов и товаров. Добрые нравы горожан.

Вместе эти общие места составляли нарративный каркас в описании города. Здесь имелись определенные проблемы, поскольку Львов не был столицей, не имел университета, древнего происхождения и древностей. В этих условиях Алембек применял утонченные нарративные стратегии, чтобы вызвать у читателя аллюзии с городом-образцом той эпохи — вечным Римом.

Какие источники были использованы Алембеком в его *Topographia*? В первой части своего сочинения, составленной в хронологическом порядке от основания города в XIII в. и до конца XV – начала XVI в., Алембек использовал труды своих знаменитых предшественников и акты городского архива. Вторая тематически структурированная часть посвящена описанию архитектуры, институтов, обычаев, хозяйства, населения Львова и в основном базируется на *автопсии* — личных наблюдениях автора. Алембек много позаимствовал из труда «О происхождении и деяниях поляков» (*De origine et rebvs gestis Polonorum*) Мартина Кромера, а именно — сюжеты о короле Руси Данииле, установившем единоличное правление в Южной Руси (также известна как *Ruthenia Rubra*, т. е. Галицко-Волынское княжество), о его сыне князе Льве, основавшем Львов в 1270 или 1280 г.³¹, о завоевании Руси и Львова польским королем Казимиром III в 1340 г., описание сокровищ, вывезен-

³¹ *Alnpekius I.* Topographia civitatis Leopoltitanae // *Rachwał S.* Jan Alnpek i jego «Opis miasta Lwowa» z początku XVII w. Lwów, 1930. P. 10; *Cromerus M.* De origine et rebvs gestis Polonorum libri XXX. Coloniae Agrippinae, 1589. P. 161, 171.

ных им в Краков в качестве трофеев³², основание римско-католического архиепископства на Руси³³ и некоторые другие.

Вероятно, Алембек предпочитал использовать труд Кромера, поскольку он считался главным авторитетом в историописании Польши того времени. Кромер также был близок Алембеку как потомок немецких поселенцев в Польше и в силу его мещанского происхождения, в отличие от прочих современных польских историков-шляхтичей.

Алембек также использовал весьма популярный в XVI в. трактат одного из первых польских гуманистов, ректора Краковской академии Мацея Меховского «О двух Сарматиях — Азиатской и Европейской — и о находящемся в них» (*De duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis*. Cracovia, 1517). Алембек почти дословно цитирует суждение Меховского об опытейших армянских купцах, торгующих с Кафрой, Константинополем, Египтом и Индиями и привозящих оттуда восточные товары³⁴. Однако он вставил эту цитату с иной целью — чтобы иметь возможность затем порассуждать о тех прекрасных временах, когда купцы разных наций, живших во Львове, не были конкурентами, но партнерами, в отличие от современного ему положения дел.

Затем Алембек рассказывает о скромной жизни предков, интересовавшихся земледелием и общественным благом, пренебрегавших золотом и серебром и предпочитавшим отечественные одеяния, пищу и напитки, о низких ценах, бывших еще около 1500 г. Затем началось падение нравов одновременно с погоней за наживой, когда пшеница частью использовалась для производства водки (*aqua vita*), а частью вывозилась за рубеж, чтобы иметь средства для приобретения иноземных предметов роскоши.

Таким образом, Алембек идеализирует добрые нравы старого доброго времени (утраченный *золотой век*) в полном соответствии с дидактической риторикой древнеримских историков³⁵, вызывая таким путем читательские аллюзии с вечным городом. Современный ему упадок нравов во Львове и Речи Посполитой в целом также мог вызвать аллюзии с упадком поздней Римской Республики в I в. до н. э., поскольку оба государства управлялись знатью.

Еще однажды Алембек использует цитату из Меховского, чтобы вызвать аллюзию с Римом. В кратком описании Львовского повета у Меховского есть такая фраза: «Во Львовском повете есть достойные упоминания большие шуки, легко делящиеся на куски полосами»³⁶. Алембек перерабатывает эту фразу в антикварном стиле и пишет: «Солят тут также осенью достойных похвалы шук, коих можешь сравнить с теми, которых ловили некогда в Тибре между двумя мостами и очень

³² *Alnpekus I.* Op. cit. P. 11; *Cromerus M.* Op. cit. P. 207.

³³ *Alnpekus I.* Op. cit. P. 14; *Cromerus M.* Op. cit. P. 217.

³⁴ *Alnpekus I.* Op. cit. P. 13–14; *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящемся в них. М.; Л., 1936. С. 173.

³⁵ Тит Ливий, наиболее популярный в эпоху Ренессанса античный историк, начинает свою знаменитую «Историю Рима» с дидактических размышлений о старых добрых нравах и их упадке в современном Риме.

³⁶ «Suntque in districtu Leopoliensi lucei magni et laudabiles et in petias, tanquam in lamina, divisibiles» (*Меховский М.* Указ. соч. С. 173–174).

ценили древние римляне»³⁷. Т. о., Алембек не просто сравнивает львовских щук с римскими, но подчеркивает общие практики повседневной жизни современных жителей Львова и древних римлян, упоминая с антикварной скрупулезностью самое место — между двумя мостами — где вылавливали щук.

* * *

Почему Алембек дал своей рукописи название «**Топография** города Львова» (*Topographia civitatis Leopolitanae*)? Он мог бы использовать такие термины как «Описание (*Descriptio*) [города Львова]» или «Похвала» (*Laudatio*), либо «Хроника» или «Анналь», как делали многие его предшественники и современники³⁸. Во-первых, термин *topographia* (τοπογραφία), использовавшийся такими древними географами как Страбон и Птолемей, более подходил для описания статичного архитектурного и географического объекта, каковым и является город. Задачей антиквария было собрать вместе широкую топографическую картину, используя как визуальные, так и письменные источники. Во-вторых, можно предположить, что Алембек использовал, намеренно или неосознанно, в качестве образца трактат «Топография древнего Рима» (*Topographia antiquae Romae*)³⁹ итальянского антиквария Джаованни Бартоломео Марлиани, также выпускника Падуанского университета⁴⁰. Впервые опубликованный в 1534 г., этот трактат был издан до конца XVI в. восемь раз⁴¹.

Сравнительный анализ позволяет открыть некоторые параллели в двух сочинениях. И Львов, и Рим получили свое название от имен основателей, соответственно, Льва и Ромула. Алембек подчеркивал, что Львов с давних времен и до сего дня населяют четыре *нации* (религиозные общины) — католики, русины (православные), армяне и иудеи, занимающие четыре различные части города. Согласно Марлиани, во времена четвертого римского царя Анка жители Рима — старые римляне (*veteri Romani*), сабиняне, альбанцы (некогда жители Альба-Лонги) и недавние пришельцы (из города Политория) — занимали четыре холма, соответственно⁴².

³⁷ «Hinc etiam salientur tempore Authumnali lupi laudabiles, quibus vix illos Tiberinos, olim inter duo pontes captos, et magni apud Romanos antiquos aestimatos, comparare audeas» (*Alapekius I. Op. cit. P. 22*).

³⁸ Например: *Leon Battista Alberti. Descriptio Urbis Romae* (написано в 1440-х гг.); *Leonardo Bruni. Laudatio Florentinae urbis* (написано между 1403 и 1404 гг.); *Francesco Aleardo. Laudatio urbis Romae et Constantinopolis* (написано в 1444 г.); *Ioannis Antonii Panthei Veronensis. De laudibus Veronae* (написано в 1483 г., опубликовано в 1506 г.); *Desiderii Spreti. De amplitudine, de vastatione et de instauratione urbis Ravennae. Venetiis, 1489*; *Leonardo Bruni. Historiarum Florentini populi libri xii*; *Niccolo Machiavelli. Istorie fiorentine* (1532); *Marcantonio Coccio Sabellicus. Rerum venetarum ab urbe condita libri xxxiii. Venetii, 1487*; *Marcantonio Coccio Sabellicus. De Venetae urbis situ* (написано в 1491–1492 гг.).

³⁹ *Topographia antiquae Romae Ioanne Bartholemaeo Marliano patritio Mediolanensi autore. Lugduni, 1534*. Нами было использовано он-лайн издание (в формате pdf), размещенное на сайте Университета Тура: <http://www.bhv.univ-tours.fr/Consult> (последнее посещение 5 июня 2010 г.). Выражаю искреннюю благодарность профессору Карло Гинзбургу, обратившему мое внимание на трактат Марлиани.

⁴⁰ *Jacks P. The Antiquarian and the Myth of Antiquity. The Origins of Rome in Renaissance Thought. Cambridge, 1993. P. 207.*

⁴¹ *Connor J. Bibliography on the Recovery of the Antique. Columbia University, 2000 // <http://www.columbia.edu/%7Ejc65/antique/ANTIQUAE.BIB.html>* (последнее посещение 5 июня 2010 г.).

⁴² «Secūdam autem urbis ampliacionem capto Politorio, omniq; multitudine Romam traducta, fecit Ancus: qui cum circa Palatium sedem veteres Romani, Sabini Capitolium, atque arcem, Coelium Albani implevissent, Aventinum nouae multitudini concessit». *Topographia antiquae Romae. P. 19.*

Названия глав в первой книге трактата Марлиани указывают на основные объекты исследования антикварного подхода: *De situ urbis, De primis cultoribus, & conditoribus urbis, De forma, & magnitudine urbis Romuli, De Portis urbis Romuli, De uario ambitu, & mænibus urbis, De Pomerio urbis, De portis antiquas quæ hodie non sunt, De portis antiquas, & mænibus quæ nunc sunt*. Книги II–VI посвящены античным храмам. Последняя VII книга описывает реку Тибр, мосты на ней (*De pontibus supra Tyberim extractis*) и дороги, ведущие в разные части Италии. В соответствии с антикварным подходом Марлиани приводит античные надписи, открытые в Риме. Он также цитирует многих античных авторов, что свидетельствует о его эрудиции.

В случае со Львовом были определенные проблемы, поскольку никому еще не удалось обнаружить здесь древние латинские или греческие надписи, монеты или руины. В эпоху Ренессанса были известны многие случаи, когда древности, включая и надписи, подделывались местными патриотами, намеревавшимися сделать родной город древнее, чем он был на самом деле. Алембек избегал подобных искушений, одновременно следуя антикварным образцам в более утонченной манере. Он процитировал надпись на монетах, отчеканенных во Львове в правление польского короля Владислава II Ягайло (1386–1434)⁴³.

Ввиду отсутствия древних языческих храмов или их руин во Львове Алембек описывает многочисленные церкви и монастыри, мощи святого Яна из Дукли и чудеса исцеления, произведенные ими на его могиле. Таким образом, он вызывал аллюзии со знаменитыми христианскими древностями Рима — целью многочисленных паломников. Алембек также вкратце описывает архитектуру Львова, застроенного преимущественно после разрушительного пожара 1527 г., местность вокруг города, реку Полтву и резиденции наиболее известных аристократов Польши, расположенные в этом регионе.

В первом предложении «Топографии» Алембек описывает возведение князем Львом во Львове двух замков — верхнего и нижнего. Он не просто упоминает, что оба замка были сооружены из дерева, но и подчеркивает, что это было сделано «...как обычно строят в северных странах» («*quales et nunc in Septentrione fabricantur*»)⁴⁴. Таким образом, Алембек демонстрирует, что воображаемый центр — норма — расположен на юге, т. е. в Средиземноморье, на землях бывшей Римской империи, которые традиционно противопоставлялись гуманистами покрытому лесами северу.

Описывая завоевание Львова королем Казимиром III в 1340 г., Алембек специально упоминает немецких наемников (*stipendiarii Germani*) у него на службе. С одной стороны, Алембек как сын поздних эмигрантов мог подчеркнуть свои этнические корни и связи с ранними немецкими поселенцами. С другой стороны, он мог намекать на определенное сходство между Римом и Львовом, поскольку оба города были завоеваны германцами, и само завоевание стало поворотным пунктом в дальнейшей истории этих городов. Древние германцы — готы, бургунды, франки — оставили свою мрачную северную родину и заняли провинции Римской империи. У Алембека немцы следуют их примеру: «Казимир... город дал в качестве колонии наемникам-

⁴³ «Circa hoc etiam tempus Lemburgae moneta, in cuius una parte Leo cum inscriptione CIVITATIS LEMBURG, in altera aquila cum epigraphe WLADISLAI REGIS cudebatur» (*Alnpekus I. Op. cit. P. 15*).

⁴⁴ *Ibid.* P. 10.

немцам. ... Те, увидев удобное расположение города и плодородие почвы [вокруг него] почти все остались [там]»⁴⁵.

Поздний Рим был полиэтничной столицей полиэтничной империи. Алембек описывает четыре *городских нации* Львова. Православная вера местных русинов была известна в то время как «греческая вера»⁴⁶ и могла вызывать аллюзии с Грецией. Однако еще более полезной в этом смысле была армянская община, состоявшая из поселенцев, мигрировавших в XIII–XIV вв. с их средиземноморской родины. Описание армянской *нации* Львова дало Алембеку возможность упомянуть Вселенский собор в Халкедоне 469 г. (на самом деле 451 г.), патриарха антиохийского, древнюю богослужебную утварь, книги и одеяния, принесенные из Армении и используемые армянским духовенством во Львове, армянского царя Абгара, отправившего послов к Христу и обратившегося в христианскую веру, иных армянских королей средневекового королевства Киликии (1198–1375)⁴⁷. Все эти места были расположены в Средиземноморье и связаны со знаменитыми событиями античной и христианской истории.

С другой стороны, существуют отличия между работами Алембека и Марлиани. Марлиани описывает древности античного Рима, то есть остатки несуществующего города, лежащего в руинах, где время остановилось. Вот почему Марлиани использовал термин *urbs* (город как архитектурный объект). Алембек описывает не только прошлое Львова, но и современное состояние города, не только его архитектуру, но также и население, и институты. Именно поэтому Алембек использует термин *civitas* (городская община, состоящая из граждан/горожан — *cives*). Разница между *urbs* и *civitas* была предметом оживленных споров гуманистов, основанных на определении, данном Цицероном:

«*Urbs* состоит не только из зданий и стен; он называется так из-за *orbis*, посредством которого обозначена его территория. *Civitas* же является “сообществом людей, соединенных вместе общей судебной системой” и живущих в соответствии с ее законами. Тогда как достойный человек, как говорят стоики, может быть изгнан из *urbs*, но не из *civitas*»⁴⁸.

Городской патриотизм, историческое воображение и нарративный каркас

В эпоху Ренессанса, когда каждый итальянский город заявлял о своих корнях, теряющихся во тьме веков, местные гуманисты предпринимали неоднократные попытки подтвердить весомыми свидетельствами легенды, сохранившиеся в устной традиции или зафиксированные доверчивыми хронистами. Доказать, что город основан неким полубогом, например, Гераклом, или троянским героем, наподобие Антенора, стало их важной обязанностью⁴⁹. Этот поиск истоков города был преимущественно основан на имитации античных моделей. Мифы-основания были неотъемлемой частью гуманистического дискурса о городах; более того, они

⁴⁵ Ibid. P. 11.

⁴⁶ Ibid. P. 18–19.

⁴⁷ Ibid. P. 19–20.

⁴⁸ Jacks P. Op. cit. P. 83.

⁴⁹ Weiss R. The Renaissance Discovery of Classical Antiquity. Oxford, 1988. P. 105.

были по природе своей переносными, в меру того, как гуманисты путешествовали и обменивались идеями. Вместе с тем, их осью всегда оставался Рим, где многие гуманисты служили в папской курии. Однако каждая версия мифа приобретала иной оттенок и приукрашивалась местным фольклором⁵⁰.

Некоторые мифы создавались в эпоху Ренессанса. Описательная история по большей части сочинялась по принципу «бриколажа» — перефразированием и включением в новый нарратив пассажей из ранних сочинений, рассматривавшихся как «авторитеты», без какой-либо попытки обратиться к их источникам. Новое понимание источника явилось одним из величайших интеллектуальных достижений европейского Ренессанса⁵¹. Критический подход к письменным источникам и антикварный подход, подчеркивавший важность материальных артефактов, способствовали развитию новой когнитивной рамки для лучшего понимания прошлого и способности образованного человека отличить подделки и мифы.

Старший современник Алембека Мартин Груневег (1562–1606), немец, родом из Гданьска, приказчик на службе у армянского купца Асвадура из Львова, посетил Киев в 1584 г. Он отметил в своем дневнике, что некоторые жители Киева верят, что город расположен на месте древней Трои:

«Русины знают, каким могучим городом был Киев и то, что он был столицей их князей, что город часто упоминается в хронике в связи с войнами и важными событиями... Многие из них также верят, что Троя стояла на этом самом месте»⁵².

Груневег критикует местную троянскую легенду: «Известно также, что Троя лежит в Малой Азии около 300 миль от Киева». Эта легенда о троянских корнях Киева была известна и львовскому поэту Себастиану Фабиану Клоновичу, критиковавшему ее в своей поэме «Роксолания» (1584) и просившему воображаемого оппонента привести аргументы для ее доказательства:

«Везде на лугах здесь видны камни разрушенных стен./ Остатки древних руин травами уж поросли./ Кто-то считает, что тут надлежит искать фригийскую Трою./ Но, как по мне, пустой звук эта выдумка их./ Где те реки сегодня./ Которые так красили бы шерсть./ Как твоя, Ксанф, некогда чистая вода питьевая?/ Ну, покажи, Симоэнтвы воды и Иды источники./ Именно там, возле них, древняя Троя была»⁵³.

Подвергая критике троянскую легенду Киева, Груневег, в то же самое время, записал в своем дневнике две легенды об основании Львова:

«Свое название город получил от горы, под которой он лежит. Князь этой стороны убил льва, жившего в пещере на горе, которую и теперь называют горой Льва. В знак этой победы князь принял имя Лев, а изображение льва он взял в свой герб... Недалеко от упомянутой львиной пещеры, на расстоянии выстрела есть еще одна прекрасная гора. На этой горе князь Лев задумал соорудить замок и там разместить свою резиденцию»⁵⁴.

⁵⁰ Jaks P. Op. cit. P. 8–9.

⁵¹ Ibid. P. 76.

⁵² Груневег М. Славнозвісне місто Київ // Всесвіт. 1981. № 5. С. 207.

⁵³ Кленович С. Ф. Указ. соч. С. 153.

⁵⁴ Груневег М. Опис Львова // Жовтень. 1980. № 10. С. 110.

После описания замка Груневег пересказывает еще одну легенду об основании города:

«Что же касается знаменитого города, возникшего под этой горой, я слышал от старых людей такое. Как раз тогда, когда Лев готовил для замка место недалеко от горы Льва, его слуги с другой горы напротив замка заметили еще одну высокую гору. Когда они осматривали ее, то повстречали страшного дракона. Как только князь узнал о нем, он собрал совет и уничтожил этого ужасного змея. Приказал также немедля на горе, где у змея было логово, возвести церковь в честь святого Юрия (поскольку тот также убил подобного змея... Недалеко от церкви показывают в скале пещеру упомянутого дракона, называемую теперь Змеиной ямой)»⁵⁵.

Обе легенды имеют много общего со средневековыми повествованиями об основании таких известных городов как, например, Краков и Париж, где герой или святой убивает или изгоняет дракона или змея, основывает город, и дает ему свое имя, например, *Крак* — *Краков* (*Cracus* — *Cracovia*). Указывая на свой источник («я слышал от старых людей»), Груневег также, возможно не осознавая того, указывает источник этого фольклорного сюжета — историю о святом Георгии (*Чудо Георгия о змие* — так она известна в славянской православной традиции). Эта история корнями своими уходит в дохристианские времена, являясь архетипичной в индоевропейской мифологии.

Груневег критикует троянскую легенду в Киеве, но в то же самое время записывает без какой-либо критики две легенды об основании Львова. В первом случае он был в состоянии критиковать троянскую легенду благодаря знанию основ античной истории и географии. Но во втором случае он не раскритиковал «Легенду о льве и драконе», поскольку не знал ничего или совсем мало об истории Галицкой Руси, и сам этот рассказ вписывался в архетипическую рамку мышления. Все это является свидетельством того, что оба типа мышления — критическое и некритическое — могли сосуществовать в одной голове.

Очень важно, что Алембек не воспроизвел эти легенды в *Topographia*. Вероятно, он слышал «Легенду о льве и драконе» или, по крайней мере, мог попросить «старых людей» рассказать ему историю об основании Львова, когда собирал сведения для своей *Topographia*. Однако этого не произошло. Он сознательно проигнорировал эту чудесную историю. Почему? Груневег был приказчиком-самоучкой на службе у купца и окончил свои дни монахом-доминиканцем в Кракове. В отличие от Груневега, Алембек получил университетское образование, располагал достаточно хорошей библиотекой античных авторов, поддерживал связи с известными гуманистами и антиквариями и имел профессиональный опыт медика, основанный на наблюдении. В соответствии с антикварным подходом, Алембек игнорировал устную традицию и использовал труды известных ученых, акты из городского архива, артефакты (например, монеты и надписи) и свои личные наблюдения.

Сложную задачу — прославить родной город и избежать мифотворчества — Алембек разрешил, используя аллюзии, как это уже было показано выше. Вот как Алембек описывает основание Львова в первых трех предложениях:

«Лев, сын Даниила, могущественного короля Южной Руси, внук владимирского и галицкого князя Романа, около 1270 года от воплощения нашего Спасителя основал Львов

⁵⁵ Там же. С. 111.

с двумя замками, из коих один в городе, другой же на высочайшей горе, возвышающейся за пределами города, из дерева возвел, как обычно строят в северных странах. Город окружил валом, а также двумя широкими и глубокими рвами. Поселил во Львове армян, азиатских воинов, [с] оружием, одеждой и языком [как у] татар, под чьим господством некогда между горами Тавра и Кавказа произошли, [и] когда-то Киликию заняли, [за то, что] их стараниями отец (т. е. Даниил. — А. О.) враждебные группировки князей Руси или уничтожил, или к своей воле склонил, вследствие чего приобрел великую власть и монархию в Южной Руси создал»⁵⁶.

Утверждение Алембека о татарских чертах армянских воинов, приглашенных Даниилом, вероятно основано на тексте Гетума: «Цветник историй восточных земель» (*Flos historiarum terre orientis*). Гетум Патмич (т. е. историк), или Гетум из Корикоса (*Hayto de Curcus*), известный в западной традиции как Айтон Армянин (*Haitonus Armenus*), являлся членом царствующей династии в Армянском Киликийском королевстве. В 1307 г., будучи при дворе папы Клементя V в Пуатье, Гетум представил свой проект нового крестового похода, к которому предлагал подключить христиан Востока и ильханов (татарских/монгольских правителей Персии)⁵⁷. Трактат пользовался большой популярностью в позднесредневековой Европе. В XVI в. только на латыни его труд был издан в 1529, 1532 (дважды), 1537, 1555 и 1585 гг.⁵⁸ В его описании Армении есть фраза, которую и позаимствовал с некоторыми изменениями Алембек:

«Племена, живущие в стране армянской, носят различные названия, в зависимости от земель и провинций, в которых обитают, и они хорошие воины в конном и пешем строю: в вооружении, конях и одеянии следуют обычаям татар, под чьим господством живут долгое время»⁵⁹.

Текст Гетума Алембек дополнил вставкой о приглашении армян Даниилом — сведения эти были почерпнуты им, скорее всего, из судебных тяжб между мещанами-католиками и армянами в 1578 г. и особенно в 1600 г. Татарских «коней» Алембек заменил на «язык», поскольку ему, как и прочим современникам, было известно, что львовские армяне разговаривают на татарском (тюркском/кыпчакском) языке. Выше мы уже видели, что подобный прием — делать нужную вставку в позаимствованную у «авторитета» цитату — Алембек применил, цитируя Меховского и Кромера.

Почему же Алембек упомянул именно этих пришлых армян, а не русинов-автохтонов или своих соотечественников немцев при описании основания Львова в самом начале своего сочинения?

Алембек отметил, что эти армяне были из Киликии, а ранее жили между Тавром и Кавказом. Таким образом, он продемонстрировал свою эрудицию, поскольку Киликия, Тавр и Кавказ неоднократно упоминались античными и нео-латинскими авторами. Алембек начал свой труд с армянских воинов, эмигрировавших из Азии,

⁵⁶ *Alnpekius I.* Op. cit. P.10.

⁵⁷ *Burger G.* Hetoum's Text // *Hetoum. A Lytell Cronycle. Richard Pynson's Translation (c 1520) of La Fleur des histories de la terre d'Orient (1307)* / Ed. by G. Burger. Toronto, 1988. P. XXII–XXIII.

⁵⁸ *Kohler C.* Introduction // *Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens.* Paris, 1906. T. 2: Documents latins et français relatifs à l'Arménie. P. CXXII–CXXVI.

⁵⁹ *Hayton.* La flor des estoires de la terre d'Orient // *Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens.* Paris, 1906. T. 2: Documents latins et français relatifs à l'Arménie. P. 128 (на французском), P. 268 (на латыни).

но Азия для гуманистов имела совсем не то значение, какое приобрела много позже, в эпоху колониальных захватов, и отчасти сохраняет до сих пор. Для современников Алембека *Азия* это Малая Азия (вся остальная Азия именовалась тогда Великой Азией). Именно в Азии располагалась славная Троя, и армяне были ближайшими соседями знаменитого города. Подобно троянцам, многие армяне вынуждены были покинуть свою родину, особенно после того, как египетские сарацины завоевали Киликийское королевство в 1375 г. Таким образом, Алембек весьма искусно связал основание Львова с беглецами из Азии, используя архетипическую историю «бегство — странствия — прибытие», и без фабрикация мифа провоцируя читательские аллюзии к наиболее популярнейшей троянской истории.

Кроме того, могла быть и иная аллюзия, не отрицающая троянский след, но дополняющая и усиливающая его. В библейской книге *Бытие* перечислено потомство трех сыновей Ноя, заселивших землю после Потопа: «Вот племена сынов Ноевых, по родословию их, в народах их. От них распространились народы по земле после потопа» (*Быт. 10:32*). В ренессансном историописании зачастую происходило переплетение библейской версии происхождения народов с данными античной этнографии и мифологии, и дохристианского фольклора варварских народов. В результате получался весьма своеобразный синтез. Согласно немецкому гуманисту Иоганну Турмаеру/Авентинусу (1477–1534), Ной, известный как Янус, а также называемый немцами «Himmel», поселился в Армении после Потопа. Со своей женой, именуемой то ли Веста, то ли Нерта, Ной является предком всех героев. Туискон (Tuisco), сын Ноя, покинул Армению вместе со многими героями через 131 год после Потопа. Дружина героев, оставивших Армению, включала Гомера, отца Италии и деда Испании через своего сына Тага (Tagus). Аск, также называемый Аскенест или Асканий, был князем, покинувшим Туискона и поселившимся в Пруссии. Альбион, также один из первых эмигрантов, занял и назвал (в свою честь) остров, ставший Англией и Шотландией. Туискон же, называемый «Гигант/Великан», является отцом немцев и вендов⁶⁰. Основой для подобных генеалогий могло быть убеждение, что народ, происходящий непосредственно из Армении, страны, где остановился Ноев ковчег и откуда заново началось заселение земли, выше по своему статусу, чем прочие народы, ибо после Потопа все народы были равны (как потомки Ноя)⁶¹.

Таким образом, заселение Львова при самом его основании именно выходцами из Армении автоматически поднимало престиж города в глазах образованных читателей в соответствии как с троянской, так и с библейской историями.

* * *

В первой части своей *Topographia* Алембек излагает события в хронологическом порядке, следуя первой книге «Истории Рима» Ливия. Знаменитый античный историк после описания прибытия троянцев в Италию и их объединения в один народ с местными латинами сгруппировал нарратив в семь историй в соответствии с семью римскими царями. Алембек структурировал свой нарратив вокруг короля Казимира III (1333–1370), короля Людовика/Лайоша Венгерского (король Польши в

⁶⁰ Borchardt F. L. Op. cit. P. 166.

⁶¹ Hoppenbrouwers P. Such Stuff as Peoples are Made on: Ethnogenesis and the Construction of Nationhood in Medieval Europe // *The Medieval History Journal*. 2006. Vol. 9. No. 2. P. 201, and f. 30.

1370–1382) и его наместника Владислава Опольского, королевы Ядвиги (1384–1399) и короля Владислава II Ягайла (1386–1434). Алембек не рассказывает историй их правления, но фокусирует свое внимание исключительно на том, что эти монархи сделали для Львова — какие привилегии они пожаловали городу, что они разрушили или построили здесь и т. д. Это не обычная хроника, фиксирующая события, но скорее антикварный поиск истоков институтов, законов, обычаев, строений и т. п.

Алембек отвел князю Льву в четыре раза меньший объем текста, чем королю Казимиру III. Если Лев представлен как местный правитель темных веков наподобие Латина, царя латинов в Лацио, то Казимир III описан как настоящий основатель Львова. Лев был упомянут для того, чтобы объяснить происхождение названия города и связать его с Азией посредством отсылки к приглашенным армянским переселенцам, подобно тому, как Ливий коротко упомянул Латина, чтобы объяснить этимологию латинов и области Лацио.

Алембек повторил рассказ Кромера о том, что Лев начал войны со своими польскими соседями. Это соотносится с войной между Латинем и Энеем вскоре после прибытия последнего в Лацио. Так же, как Ромул дал законы ранним римлянам и сабинянам, Казимир III дал законы местным русинам и переселенцам из Польши после завоевания Руси в 1340 г. Он также даровал так называемое магдебургское или немецкое право (*Magdeburger Recht, jus theutonicum*) католической городской общине (*natio*) Львова в 1356 г.

Если Ромул определил место на Капитолийском холме для возведения храма Юпитера, то Казимир III начал строительство кафедрального собора во Львове. Казимир III разрушил деревянные замки во Львове и возвел на их месте каменные. Он также обвел город каменной стеной. Согласно Ливию, Ромул правил 37 лет. Казимир III также правил 37 лет — с 1333 по 1370 гг. Его племянник Людовик/Лайош Венгерский управлял Русью посредством своего наместника — князя Владислава Опольского, даровавшего городу 100 ланов прилегающих земель в 1372 г. Дочь Людовика, королева Ядвига, пожаловала Львову привилегию торгового склада восточных товаров (*Depositorium/Stapelrecht*) в 1387 г. Ее муж, Владислав II Ягайло, завершил строительство кафедрального собора и окружил город второй стеной. Также были возведены ратуша и костел св. Станислава. Папа Иоанн XXIII, по просьбе короля, учредил во Львове центр архиепископства в 1414 г.

После смерти Владислава II Ягайло (в 1434 г.) Алембек игнорирует последующих королей — Владислава III (1434–1444), Казимира IV (1447–1492), Яна Альбрехта (1492–1501), Александра (1501–1506), Сигизмунда II (1548–1572) и Генриха (1574), хотя все они также даровали Львову привилегии, сохранившиеся в городском архиве. Во второй части своего сочинения Алембек упоминает по отдельности, почти невзначай, двух королей — Стефана Батория (1576–1586), поскольку он учредил во Львове новый институт самоуправления — «совет сорока мужей» — в 1578 г., и Сигизмунда I (1506–1548), поскольку в его правление Львов был осажден турками и татарами в 1524 г. и именно он пожаловал городу герб в 1526 г.

Вероятно, таким образом Алембек со смертью короля Владислава II Ягайло закончил «царский» период истории Львова и открыл «республиканский», в соответствии с тем, как Ливий поделил историю Рима. Большой пожар 1527 г. во Львове, который может быть соотнесен с разрушительным захватом Рима императором

Карлом V в 1527 г., можно рассматривать как маркер между двумя периодами в истории города. После пожара Львов был застроен прекрасными каменными домами. Интересно, что Алембек полностью игнорирует большой пожар 1571 г. — он никак не соотносился с Римом. Не менее важно, что именно в это же время в 1531 г. Вольфганг Шольц, дед Алембека, поселился во Львове.

Таким образом, сильный пожар 1527 г. и восстановление города открывают вторую статичную часть *Topographia*, посвященную преимущественно архитектуре Львова, церквям и монастырям, воротам и пригородам, четырем городским *нациям*, торговле и ремеслам, природным ресурсам региона, ценам, местным событиям, болезням, городскому гербу и т. п.

Поэтому уместным кажется предположить, что если первая часть *Topographia* отражает структуру первой книги «Истории Рима» Ливия, посвященной царскому периоду раннего Рима, когда последовательно правили семь царей, то вторая часть может отражать антикварный подход к прошлому. Алембек избегал мифотворчества и использования устной традиции. Вместе с тем он не включил в *Topographia* свидетельств недостатков в городской инфраструктуре и неудовлетворительной работы городских служб, о которых он был осведомлен как автор специального отчета в 1606 г. В связи с этим следует отметить, что его главной целью было создать положительный образ Львова для зарубежного читателя и заявить о городе, как о достойном члене «Городов земного круга» (*Civitates Orbis Terrarum*).

Summary

Description of the city of Lviv or Leopoldis was written by the local apothecary Ioannes Alembek (Alnpekus) and published in the sixth volume of the Georg Braun's atlas «Civitates orbis terrarum» (Köln, 1617). The full original version was written between 1603 and 1605 under the title «Topographia civitatis Leopoldinae». To analyse Alembek's cognitive frame and narrative strategies I took into consideration his education – Alembek graduated from the Paduan University in 1591 – and the contents of his private library where the ancient writings in the Latin predominated.

Alembek's text was a part of the neo-Latin literature with its cult of ancient patterns and references to the Roman or Trojan origins of many European nations and cities. Alembek was more accurate author since he avoided such sensational «discoveries» as well as local legends and oral tradition in his writing. On the other hand, Alembek wrote to glorify his native city and did not miss an opportunity to make a sophisticated comparison of his native Lviv with the eternal Rome. For these purposes he used literal allusions and *loci communes* not the direct comparison. For my opinion Alembek used Giovanni Bartholomeo Marliani's «Topographia antiquae Romae» (1534) as narrative matrix for his own description of Lviv. The initial part of Alembek's work is evidently a compilation organised in the chronological order following the first book of Livy's «History of Rome». It appears that for this part of his «Topographia» Alembek mostly used Marcin Kromer's «De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX» (first published in 1555) and records from the city archive. The second part of Alembek's «Topographia» based on his own observation of the city as architectural and geographic object. This part was written in the antiquarian style with the main attention given to the urban institutions, customs, burgher's way of life and famous buildings.